

Добрыня и огненный змей

Жил Микита девяносто лет,
Состарился, переставился.
Оставалось у Микиты всё жиччо-быччо,
Богачество, вшѐ количество,
Оставалась у него незна вдова Омельфа Тимофеевна,
Оставалось чадо милое спорожденное,
Оставался Добрыня в девятих годах.
Отдавала матушка в грамотей [!] учить
Тем хидрым-мудрым учителям.
Хорошо Добрыне грамота издавалась.
Он приходит к ронной матушке,
Еще кланяется ронной матушке понижечочко:
— Дай мне благословенье яхать во чисто поле,
Как штрэлять-убивать гушей-лебедей,
Еще ту учицу-переучицу.

Отдавала матушка благословенье,
Еще стала к нему наказывать:
— Еще, дитятко мое, доедешь ко Почай-реке,
Изымут тебя жары петровские, сонцепеки меженские,
Скидывай со шебя вше шветно плаччо,
Клади на луку на шедельную,
Не скидывай со шебя пухову шляпу,
Набивай черну шляпу хрущата песка
Полным-полно, девяносто пудов.

Еще стала к нему наказывать:
— Может, захочется тебе покупатися,—
Заплывай, Добрыня, за первую струю,
Не заплывай, Добрыня, за вторую струю,
Вше вторая струя бистрым-бистра.

Давала к нему три парика,
Три слуги верные, неизменные:
Еще первую слугу под востру саблю,
Вторую слугу — под востро копье,
Еще трэччю слугу — под тугой лучок.
Еще кланялся понижечочко.

Давала матушка благословенье
С буйной голове до сирой земли.
Еще ехал да Добрыня во чисто поле,
Как штрэлял-убивал гушей-лебедей,
Еще ту було пчицу шероучицу.
Он дояхал ко Почай-реке.
Изняли жары петровские, сонцепеки меженские.
Скидывает со шебя вшё шветно плаччо,
Кладет на луку на шедельную,
Скидывает со шебя черну шляпу,
Набивает хрущата песка,
Набивал хрущата песка девяносто пудов.
Не скидывал со шебя пухову шляпу.
Захотелося Добрыне покупатися.
Заплувал Добрыня за первую струю,
Не заплувал Добрыня во вторую струю.
Еще спроговорели три слуги верные, неизменные:
— Еще не чеш ты, хозяин наш приласковый,
Не чеш твоя, (не) хвала молодецкая,
Не вислуга богатырская!
Заплувае Добрыня за вторую струю,
Понесло их [!] в пещору белокаменну.
Еще стали налетывать орленочки да воскуркивать,
Еще спроговорели три слуги верные, неизменные:
— Заплувай, Добрыня, за трэччю струю!
Еще заплувал Добрыня за трэччю струю,
Понесло их в пещеру белокаменну.
Еще тут струя бистрым очень бистрая,
Еще понносило их ко Марье ко Елизастовной.
Виходила Марья Елизастовна,
Подаставила свой берчат рукав.
Воскакивал Добрыня во берчат руках,
Еще кланялся понижеченко:
— Еще здравствуй, моя тетушка родимая!
Еще расплакалася Марья Елизастовна:
— Несто приехал, мое дитятко родимое Добрынюшко?
Чебя змеина живком хватит.
Прилетат змея огненный:
— Виходи, Добрынюшка!

Если хочешь, Добрынюшка, я чебя живком хвачу,
Если хочешь, Добрынюшка, я чебя змеям скормлю,
Еще хочешь, Добрыня, дымом задушу!
Виходил Добрынюшка, еще падал на колени,
Ставал Добрыня на резвы ноги,
Еще поскакивать стал Добрыня белым горнаком.
Еще стали налетывать орленочки да воскуркувать.
Он видергиват черну шляпу,
Штрэляет Добрыня змею во белы груди
И пропаривает белу грудь.
Еще стали слуги верные штрэлять из туга лука.
— Виходи, моя тетушка родимая,
Остался от Микиты один отрастель,
Чтобы не прияхать по ронную свою по теточку.
Приезжает ко своей ронной матушке,
Еще кланяется понижечонко:
— Еще здравствуй, моя ронна матушка,
Я привез свою ронну тетушку родимую!

(Зап. Н. А. Гобышев 11. 04. 1946 г. от Ф. М. Голыжинского, 57 лет, в м. Федерóвское на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.